

В. А. КОЛОБАНОВ

Обличение княжеских междоусобий в поучениях Серапиона Владимирского

Творчество Серапиона Владимирского было тесно связано с жизнью своей эпохи. Событием, в наибольшей степени поразившим воображение писателя, явилось татаро-монгольское нашествие. Оно нашло отражение во всех пяти дошедших до нас поучениях Серапиона.

К числу малоизученных вопросов творчества Серапиона относится вопрос об отражении в его «словах» княжеских междоусобий второй половины XIII в. Исследователи и авторы общих курсов литературы почти не останавливались на этом вопросе. Лишь М. Н. Сперанский впервые указал на то, что Серапион «подразумевал удельные распри князей».¹ Отголоски общественных событий второй половины XIII в. в творчестве Серапиона несколько более подробно рассмотрены новейшими исследователями — М. Горлиным² и Н. К. Гудзием.³ Однако и они не останавливались специально на теме княжеских междоусобий. Наконец, в новейшем курсе литературы лишь указано на то, что Серапион заботился «о воспитании у населения чувства патриотизма и гражданской солидарности».⁴

А между тем описания разоренной Русской земли в «словах» Серапиона дают возможность судить об этих произведениях не только как о документах, воскрешающих события татарского нашествия, но и как о памятниках, отражающих некоторые факты общественных отношений Северо-Восточной Руси 70-х годов XIII в.

Конкретно-исторический смысл обращений Серапиона к слушателям становится понятным на фоне событий Северо-Восточной Руси 70-х годов XIII в. Однако при их анализе, ввиду скудости летописных свидетельств за этот период, представляется невозможным обойти некоторые факты предшествующего десятилетия, т. е. 60-х годов XIII в.

*

Северо-Восточная Русь и ее города подверглись монгольскому нашествию в 1237—1238 гг. Сметая на своем пути все живое, татарская орда пронеслась по Рязани, Суздалью, Владимиру, Переяславлю-Залесскому и ряду других городов. С этого времени над Русской землей было установлено владычество татар.

¹ М. Н. Сперанский. История древнерусской литературы. М., 1914, стр. 366—367.

² M. Gorlin. Serapion de Wladimir prédicateur de Kiev. — *Revue des études slaves*, t. 24. Paris, 1948, стр. 21—28.

³ Н. К. Гудзий. Где и когда протекала литературная деятельность Серапиона Владимирского? — *ИЮЛЯ*, т. XI, вып. 5. М., 1952, стр. 457—460.

⁴ История русской литературы в трех томах, т. I. М.—Л., 1958, стр. 147.

Одной из причин быстрого завоевания Руси монголами были княжеские междоусобные войны. Они являлись следствием феодального дробления в результате внутренних изменений в общественно-политическом строе древнерусского государства. Однако нашествие татар не прекратило княжеских междоусобий. Наоборот, они разгораются вновь, как только проходит оцепенение, наведенное всеобщим опустошением после вторжения.

Первым князем, который в данных условиях сумел наметить линию, соответствующую политическим интересам Руси, был Александр Невский. Его политическая миссия заключалась в поддержании мирных отношений с ханами Золотой Орды, в предотвращении их новых нашествий и в отпоре крестоносным захватчикам. К 60-м годам XIII в. «князь Александр подчинил интересы правительств феодальных республик интересам великокняжеской государственной власти».⁵

Но преемники Невского (его братья Ярослав и Василий) не сохранили намеченную им политическую линию. Двенадцатилетнее княжение Ярославичей (1264—1276 гг.) ознаменовано усилением междоусобных войн, ослаблением совместной деятельности князей — обособленных правителей отдельных княжеств.

Через три года после смерти Александра Невского и получения Ярославом Ярославичем ярлыка на великое княжение (1266 г.) новгородцы предлагают ему стать князем Новгорода.⁶ В 1269 г. здесь создалась сложная обстановка. Она была вызвана недовольством «простой чади» политикой Ярослава и притеснениями со стороны «знатных». Только по настоянию владыки и «лучших людей» Ярослав остался в Новгороде. В следующем году он стягивает сюда свои и татарские полки, готовясь в поход на немцев. Однако последние предложили мир. Ярослав отослал полки и остался в Новгороде.⁷ Через некоторое время он был выгнан из города за самовластное отношение к новгородцам (вмешательство в новгородско-немецкую торговлю, «перевешивание» грамот и т. п.).⁸

Тогда в союзе с Дмитрием Александровичем Переяславским и Глебом Смоленским Ярослав выступил против Новгорода. Одновременно, от его имени, в орду был послан Ратибор с жалобой на то, что новгородцы не желают платить дани.⁹ Узнав о посольстве Ратибора, Василий Костромской (брат Ярослава) выступил в защиту новгородцев. Он направился в ханскую ставку и опровергнул «Ратиборово лживое слово». Василий заявил, что причиной «размирья» были личные интересы Ярослава, а не нарушение татарских притязаний.

Получив новые сведения, хан отозвал посланную на усмирение орду. Новгородцы заставили Ярослава поступиться своими правами. Однако враждебные рати стояли друг против друга в течение недели. Подобные отношения Ярослава с Новгородом сложились тогда, «когда запутавшиеся княжеские счеты (разрядка моя, — В. К.) уронили княжеский авторитет».¹⁰

⁵ В. Т. Пашуто. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII в.). М., 1956, стр. 206—212.

⁶ По мнению А. В. Экземплярского (А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, т. II. СПб., 1891, стр. 451), «у них вошло в обычай иметь своим князем того, кто владеет Владимирским столом». На самом деле великие князья (как князья владимирские и новгородские) передавали «выход» от Новгорода в Орду. Ср.: А. Н. Насонов. Монголы и Русь. М.—Л., 1940, стр. 114.

⁷ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. А. Н. Насонова. М.—Л., 1950, стр. 318—319; ПСРЛ, т. X. СПб., 1885, стр. 148.

⁸ ПСРЛ, т. X, стр. 148.

⁹ Там же.

¹⁰ В. О. Ключевский. Сочинения, т. II, М., 1957, стр. 59.

В этот напряженный момент митрополит Кирилл III в обращенной к новгородцам грамоте призвал их к примирению с Ярославом, «который всей злобы лишается». В противном случае митрополит грозил наложить на Новгород запрещение. В результате усилий митрополита стороны пришли к соглашению.¹¹

В данном случае митрополит Кирилл выступает посредником между новгородцами и великим князем, но держит сторону Ярослава. Однако вряд ли политическая миссия русских иерархов в тот период времени определялась стремлением ко всеобщему умиротворению, как это утверждала дореволюционная историография.¹² По летописям устанавливаются те нити, которые связывали Александра Невского с Кириллом III. Очевидно, что политическая линия Александра в какой-те степени предвляла будущую ориентацию московских князей, опиравшихся в своей объединительной политике на церковь. Церковь в лице митрополита Кирилла в свою очередь поддерживала стремление великих князей к усилению своей власти. Весьма вероятно также, что позиция Кирилла в конфликте великого князя Ярослава с новгородцами была обусловлена и желанием предотвратить возникшие после смерти Александра Невского раздоры и «нестроения» и тем самым воспрепятствовать наиболее губительным из них — княжеским междоусобиям.

Есть основания полагать, что Серапион Владимирский, поставленный по инициативе митрополита на епископскую кафедру, разделял точку зрения Кирилла по вопросу о княжеских междоусобицах.

Многочисленные упреки слушателям в его «словах» направлены против различного рода общественных неполадок. Но проповедник при описании татарского погрома и его последствий не мог говорить открыто о княжеских распрях и только намекал на них.¹³ Так, стремление обличить междоусобия можно усмотреть в следующем отрывке из второго «слова»: «видя вы боляща безаконными делы . . . аще кто вас разбойник — разбоя не оставит, аще кто крадет — татбы не лишиться . . . аще кто ненависть на друга имать — враждуя не почивает, аще кто обидит и схватает — грабя не насытитесь».

В третьем «слове» Серапион в более прямой форме обличает общественные «нестроения»: «Злоба преможе ны, величанье възнесе ум наш, ненависть на другы вселися в сердца наша; насытьвьство имения поработи ны. . . ; акы зверье жадають насытитися плоти, тако и мы жадаем и не престанем абы всех погубити, а горькое то именье и кровавое к собе пограбити; зверье, едше, насыщаються, мы же насытитися не можем, того добывше, другого жадаем».¹⁴

¹¹ ПСРЛ, т. III. СПб., 1841, стр. 61; ПСРЛ, т. X, стр. 149. Ср.: А. Н. Насонов. Монголы и Русь, стр. 114.

¹² Роль русских иерархов как «мироотворцев» на различных этапах существования церкви неоднократно подчеркивалась в трудах историков России, русской церкви и т. п. См., например: Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. II. СПб., 1842, стр. 118, 138. Е. Е. Голубинский в «Истории русской церкви» (т. II, вторая половина тома, М., 1911, стр. 24) утверждал, что Кирилл был тем же «мироотворцем», что и митрополиты домонгольского периода.

¹³ Есть мнение, что древние проповедники «воздерживались от обличения князей в церкви, чтобы не унижить их в глазах народа». В силу этой причины они ограничивались намеками о междоусобной вражде. См.: Русское проповедничество, исторический его обзор и взгляд на современное его направление. СПб., 1871, стр. 80.

¹⁴ Цитаты приведены по изданию: Е. В. Петухов. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII в. СПб., 1888, прилож. II, стр. 1—15.

Из содержания цитаты видно, что выражение «злоба» употреблено в ней в значении «вражда».¹⁵

Можно перевести всю фразу: «Вражда осилила нас», ибо строкой далее говорится о тождественных явлениях, таких, как «ненависти на другы» и «несытовьстве имения». Что касается слова «имение», то можно думать, что в первой части цитаты оно употреблено в значении «имущество», и Серапион говорит здесь о жажде наживы вообще. Однако последующее включение этого слова в контекст обращения проповедника исключает всякое иное толкование его помимо значения «захват».¹⁶ Известно, что простой смертный, например из паствы Серапиона, не мог захватить у своего соседа «имение». Однако, не преступая понятий законности второй половины XIII в., «к себе пограбिति» чужое имение мог только князь у князя. В этой связи можно сопоставить приведенные примеры с историческими фактами 70-х годов XIII в. об отношениях братьев Ярославичей и о «размирьи» Ярослава с новгородцами.

Как свидетельствуют источники, междоусобная борьба той поры характеризуется тем, что князья, охваченные «несытьством имения», прибегали к помощи татарских ханов. После смерти Ярослава Ярославича тверской стол унаследовал сын его Святослав (1272—1282 или 1285 гг.). В это время великий князь Василий Ярославич вел борьбу за Новгород с Дмитрием Переяславским (призванным на новгородское княжение). В междоусобной борьбе Святослав стоял на стороне Василия. В 1273 г. Святослав с помощью татар¹⁷ повоевал Волок, Бежецк и Вологду, ограбив новгородских купцов по всей Низовской земле. Татары поддержали этот поход, так как Новгород не принял удобного им князя Василия, а пригласил Дмитрия Переяславского.¹⁸ Дмитрий выслал во Владимир к Василию послов с просьбой возвратить пограбленное, но великий князь отказал ему в этом. Дмитрию не удалось осуществить и задуманный поход на Тверь, так как ей мог оказать помощь великий князь и татары. Вскоре Дмитрий был вынужден покинуть Новгород и уехать в Переяславль,¹⁹ ибо в борьбе за новгородские права Василий Ярославич прибегнул к помощи татар, как полагают, отрядов баскаков.²⁰

Таким образом, в тот период политика русских князей находилась в зависимости от татарских поработителей и направлялась татарскими ханами с помощью постоянной военно-политической организации — баскачества.²¹ В то же время установившаяся система татарского владычества не препятствовала князьям в их междоусобной борьбе.

Следовательно, на фоне исторической обстановки тех лет становится более понятным смысл обращений Серапиона к слушателям. В этих обращениях писатель стремился разъяснить современникам истинные причины постигших их бедствий. Он видел причины порабощения не только в «божьих казнях» — нашествии татар, обрушившихся на «грешных» современников, но и в непримиримой вражде русских князей. Поэтому картины нашествия у Серапиона не обособлены от его страстных обличе-

¹⁵ Ср.: «Ярослав все злобы лишается» (грамота митрополита Кирилла 1270 г.: Срезневский, Материалы, т. I, стлб. 1000).

¹⁶ Ср.: «А сама князя молода бяста слушая бояръ, а бояре учать я на многое имънье: и святое Богородици Володимерьское золото и серебро взята» [Срезневский, Материалы, т. I, стлб. 1095 (Лаврентьевская летопись под 1176 г.)].

¹⁷ ПСРЛ, т. III, стр. 62—63; ПСРЛ, т. VII, СПб., 1856, стр. 172.

¹⁸ А. Н. Насонов, Монголы и Русь, стр. 115.

¹⁹ ПСРЛ, т. III, стр. 62—63; ПСРЛ, т. VII, стр. 172.

²⁰ А. Н. Насонов, Монголы и Русь, стр. 15.

²¹ Там же, стр. 160.

ний. Он взывал к исправлению, рисуя трагические картины разоренной Русской земли и используя при этом примеры живой действительности 70-х годов XIII в. Но призывы к покаянию и очищению от грехов в «словах» Серапиона сливались с гневным осуждением «земной» причины, повлекшей за собой порабощение Руси, — княжеских междоусобий.

Из поучений Серапиона, сильных патриотизмом содержания, вырисовывается облик автора не только как «духовного пастыря» церкви, но и как писателя, исторически правильно понимавшего свою задачу в один из сложных и тяжелых для древней Руси периодов.
